

и тогда, когда образы слѣдуютъ одни за другими, длинной вереницей. Ему удается *разсказать свои ощущенія*—разсказать ихъ такъ, чтобы изъ нихъ сложилась цѣлая картина. Весьма часто, такимъ образомъ, къ первымъ двумъ признакамъ присоединяется третій: ощущение является *разработаннымъ и выросшимъ* (*sensation élaborée et agrandie*), проникается идеей, не переставая быть ощущеніемъ. Отсюда прелесть сравненій, граничащихъ съ мифомъ. Предметы становятся живыми существами, сохраняя всю яркость своихъ природныхъ красокъ, всю опредѣленность своихъ реальныхъ очертаній. Эпитетъ, взятый изъ дѣйствительности, освѣщается эпитетомъ, созданнымъ фантазіей поэта („*Sa longue barbe blanche et tranquille*“, „*la descente sacrée et sombre de la nuit*“). Такова манера, составляющая личную собственность В. Гюго; но онъ не придерживается ея одной, для него доступны всѣ пути, проложенные другими. Онъ бываетъ иногда сдержаннымъ, сжатымъ, какъ классикъ XVII-го вѣка, или легкимъ, прозрачнымъ, какъ Лафонтенъ; онъ напоминаетъ по временамъ Ронсара, по временамъ — Виргилія, по временамъ — даже Гомера. „*On dira qu'il a eu un style à lui, créé par lui—et puis, qu'il a eu à sa disposition tous les autres*“.

Послѣднюю часть излагаемаго нами этюда, трактовующую о ритмѣ и римѣ, нужно прочесть въ подлинникѣ; она вся наполнена цитатами, иллюстрирующими мысль критика. Техническое искусство В. Гюго служить для Фагэ предметомъ безграничнаго удивленія; въ этой области поэтъ кажется ему почти непогрѣшимымъ. Никто не превосходитъ Гюго въ пониманіи музыки, заключающейся въ словѣ, даже въ словѣ отдѣльно взятомъ. Онъ знаетъ, что есть слова печальныя и глухія, есть слова пѣвучія и веселыя, и что между этими двумя крайностями безконечно много промежуточныхъ отбѣнковъ. Онъ знаетъ, что не безразличны, съ этой точки зрѣнія, даже буквы, что въ *o* есть нѣчто широкое и торжествующее, въ *u* (французскомъ) — нѣчто мягкое и вкрадчивое. Благодаря этому знанію, двѣ строфы, написанныя въ одномъ и томъ же ритмѣ, дѣйствуютъ на ухо совершенно различно; одна, въ силу преобладанія *i* и *e*, возбуждаетъ представление о чемъ-то легкомъ, тонкомъ, воздушномъ („*cette ville aux longs cris, qui profile son front gris, des toits frêles, cent tourelles, clochers grêles, c'est Paris!*“); другая, въ силу преобладанія *o* и *ou* — представление о чемъ-то шумномъ, массивномъ, тяжеломъ („*le vieux Louvre! large et lourd, il ne s'ouvre qu'au grand jour, emprisonne la couronne, et bourdonne dans sa tour*“). Переходя отъ словъ и буквъ къ стиху, Фагэ замѣчаетъ, что ма-